

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 43

1984

Александр ШЕВЕЛЁВ

ВСЕМ СЕРДЦЕМ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 43

Александр ШЕВЕЛЕВ

ВСЕМ СЕРДЦЕМ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Александр ШЕВЕЛЁВ

Александр Александрович Шевелёв родился в 1934 году в деревне Крисилино Калужской области, в крестьянской семье. Детство его совпало с Великой Отечественной войной.

В 1949 году окончил семь классов и уехал в ремесленное училище. С пятнадцати лет началась самостоятельная жизнь Александра Шевелёва. Учился в техникуме и в Ленинградском институте точной механики и оптики. В 1973 году окончил Высшие литературные курсы.

Первую книгу своих стихов, «Август», он издал в Ленинграде в 1966 году. Затем вышли его стихотворные сборники: «Гончарный круг», «Нежность земли», «До первой звезды», «Простые вести», «Единственная земля», «Мне послышалась свирель...», «Я возвратился из пурги...», «Осенний перекресток».

Александр Шевелёв — член КПСС.

© Издательство «Правда». Библиотека «Огонек» 1984.

Александр Александрович ШЕВЕЛЁВ ВСЕМ СЕРДЦЕМ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 30.07.84. Подписано к печати 18.09.84. А 00424. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,66. Тираж 91 000. Изд. № 2482. Зак. № 3254. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**Я КАЖДОГО
ВСЕМ СЕРДЦЕМ ПОНИМАЮ...**

* * *

Эпоха гулко позвала меня,
и предложила трудную дорогу,
и, маршами торжественно гремя,
заставила шагать
со всеми в ногу.

Глотая черный
паровозный дым,
в теплушках я встречал
крутые зори.
Я был упрямым,
очень молодым,
воспитанным в России
на просторе.

Я видел смерть...
Глядел в глаза огню...
Меня землей от взрыва
засыпало...

Нет,
я тебя, эпоха, не виню:
ты, как могла,
нас всюду защищала.

И я мужал,
как мой народ мужал,
и оттого во мне теперь
есть смелость.
Я уставал,
и все ж не уставал,
мне жить
безудержно хотелось...

Теперь,
пройдя все эти рубежи,
я мир огромный
нежно обнимаю...

Я повзрослел...
Я научился жить...

Я каждого
всем сердцем понимаю.

БАЛЛАДА О ЛОШАДЯХ 1943 года

Я знаю:
лошади умны,
те, что трудились в поле,
пусть неуклюжи,
нестройны,
иной не знали доли,
как от темна и до темна
пахать,
работать без обеда...

А где-то шла еще война,
и далека была победа.

Они косы,
и вдоль спины
на их телах темнели шрамы;
но были лошади умны,
нам зарабатывая граммы
не первосортного зерна,
а так,
мякину и отходы...

А где-то шла еще война
и были дальними походы...

Я вспоминаю и сейчас
их, невеселых,
некрасивых,
их доброту печальных глаз
и седину в их потных гривах.

В ДАЛЕКОМ ДАЛЕКЕ

Одеты в шинели, сидели крестьянки,
иной дрожал на ресницах коней.
Лишь только скрипели морозные санки
на тихих дорогах полей.
И в том непонятном, сквозящем просторе
поземка ползла прямо в сны.
И было у женщин достаточно горя
с той самой великой войны.

И пахли они смолой и снегами,
домой возвращаясь, грелись в ночи
и гладили нас ледяными руками,
безмолвно лежащих одних на печи.

* * *

Погибших пурга замечает,
то вдруг раскрывает опять,
спешит, им халаты латает,
чтоб снова в атаку послать.
Их ноги видны из-под снега,
и холмик над каждым лицом,
и кверху осями телега,
и крутит пурга колесо.
Она словно пряжу мотает,
сгружает поодаль мотки
и снова халаты латает
то с левой,
то с правой руки.

ВОЛЫ

Я помню их, послевоенных,
не поднимающих голов,
в своих желаниях степенных,
с глазами мутными — волов.
Бредущих парами уныло
и вечно жаждущих воды.
Воловья тягловая сила
народ тянула из беды.
Они все это понимали,
не подводили никогда.
И, ткнувшись мордой, умирали
от непосильного труда.

* * *

Спокойна русская природа.
Туман в низинах,
по лугам.
Опять величие народа
я познаю не по стихам,
не по статьям,
не по запискам —
по песням,
на слова скупым,
по безымянным обелискам,
по ржавым звездам
жестяным.
О сколько их, солдат
пропавши:
без вести
навсегда в боях,
в лугах,
июлями пропахших,
и в колосющихся
полях.

ВСПОЛОХИ ЗАРНИЦ

Земля гудит после дождя
и отдает все соки травам.
Ручьи стекают по канавам,
в низины луга уходя.

И в поднебесье тишина.
На межах лебеда скрипуча.
За горизонт сползает туча —
во всей природе новизна.

И легче, кажется, дышать.
Как птица, бьет рассвет крылами...

На огороде мать руками
все гряды правит не спеша.

И ей понятны дрожь земли,
и теплота ее, и соки,
и плодосозреванья сроки,
и всполохи зарниц вдали.

В НОЧНОМ

Немного голову склоня,
мне, тощему подпаску,
багровый сторож у огня
изложит жизнь, как сказку.
И страшен будет этот путь
в атаках и погонях...
И мне все хочется заснуть
в больших его ладонях.
А он мне — нежно про коня
и про собаку нежно,
а сам глядит поверх огня
и слышит скрип тележный,
и вновь под радугой клинка
по бездорожью мчится,
и знамя конного полка
над головой как птица.

* * *

Светает
(солнце не взошло).
Еще заря цепляется за ветки,
еще вода, как тонкое стекло,
и по краям рисунок редкий.
Жук-плавунец, снующий по реке,
как гравировщик,
занят тайным делом,
и лошадь розовеет вдалеке,
в краю чудес,
за видимым пределом.

Тогда еще чуть сумрачны поля.
Видны с трудом забытые усадьбы,
и, словно рюмки, сохнут тополя,
расставленные после свадьбы.
И вертикально вдруг из камыша
взлетают утки трепетно и смело...
И легкая, как детская, душа
живет в согласье с разумом и телом.

* * *

День, словно рама,
вымытая мамой,
заполнен вширь
и ввысь голубизной:
ни облака,
ни тучки самой малой
не проплывает в небе
надо мной.

И только стриж
неисправимо бойкий
проносится со свистом
в вышине,
и запахах трав,
дурманящий и стойкий,
о юности напоминает мне,

о немудреных играх
и забавах,
о бесконечных радостях простых,
о праздниках,
красивых, величавых,
о русских песнях
в сумерках густых.

* * *

Петух поет, треть ночи отделяя,
и каждый двор тот повторяет крик.
Наполовину выйдя из сарая,
спит бык.
Спят тут же лошади попарно
до самой утренней звезды.
И отсвет крыш густой, янтарный
стекает в огороды и сады.
И только где-нибудь засовы
протяжно в сенцах заскрипят.
И над дворами быстро совы
клубками темноты летят.

ЛОДОЧНИК

Лодочник посмотрит на закат.
Вытащит газету, самосад.

И закурит молча над водой,
не спеша побудет сам с собой.
Думы одолеют старика,
тихие, как вечером река.
На воду осядет белый дым.
Одинок старик и нелюдим...
Всех родней теперь для старика
эта неболтливая река...

В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ

1

С машин на площади вокзальной
слезают бабы. Все спешат,
(народ хоть местный,
все же дальний),
узлы в сторонке ворошат.
Идут толпою в магазины.
Им всюду хочется поспеть:
купить обувку из резины,
дешевый ситчик присмотреть.
И на минуточку в больницу
зайти, знакомых поспросить.
Им просто некогда лечиться,
им просто некогда лежать.
Они ведь в городе случайно
и потому на все глядят...
А после отдыхают в чайной
и сало белое едят.

2

Смотрю районные газеты,
читаю все подряд страницы.
Какие странные портреты
и одинаковые лица.
Они глядят все на меня
с одной и той же точки...
Мне не прожить без них и дня,
не написать и строчки.

* * *

Старухи глухи —
всем известно.
Старухи сказками
полны.
Они глядят на мир
отвесно,
как каменщики
со стены.
Они, наверно,
нагляделись
горизонтально
за века...
Как будто где-то
засиделись
и к нам пришли
издалека.

* * *

Промчится скорый,
торопясь.
И снова переезд свободен.
И сторож, сплевывая в грязь,
стоит небрит и старомоден.
В сторожке ходики трясутся
над расписанием у окна.
И гуси белые пасутся
по насыпи у полотна.
Он к переезду подойдет,
покурит молча, поскучает.
Он никого уже не ждет,
он только поезда встречает.

ОБЕЛИСКИ ВДОЛЬ ДОРОГ

1

От восхода до заката —
вот длина моих дорог.
То, что было
в детстве свято,
навсегда сберег:
песни мамы,
сказы мамы,

русской речи чистоту.
Были мы всегда упрямы
и ценили правоту.
Вдоль деревни бились
вьюги.
Небо рвалось на куски.
Возле города Калуги
обелиски высоки,
а еще —
в лесах смоленских,
вдоль проселочных дорог,
на погостах деревенских
вдовим судьбам поперек
обелиски...
Обелиски...

2

Вновь земляникой
пахнет ветер,
и вдоль дороги тишина.
Еще далеко где-то вечер,
и дальше вечера —
война.
И чьи-то песни очень близко
сюда летят со всех сторон...
Стою один у обелиска,
как после похорон.

3

Ветер иву колышет,
рыбой пахнет вода.
И сама себя слышит
над погостом звезда.
Только выкрики птичьи,
только всплески щурят...
В безымянном величьи
обелиски стоят.

4

Опять по грани обелиска
кленовый лист едва скользит,
он словно старая записка,
где дата гибели стоит.

И моросят дожди косые.
Черны заречные стога...
И победившая Россия
еще печальна и строга.

* * *

Ветер тучу вывернул
наизнанку
и погнал по жнивищу,
как цыганку.
Только молнии секут
лесосеку.
Только громы катятся
через реку,
по сырому песку,
словно мерины,
дальним берегом бегут
медленно.
Только яблоки в садах
осыпаются,
только вдовы, охая,
просыпаются.
Хоть последняя гроза,
да жгучая...
Словно вдовья судьба
горючая.

МАТЬ

Она стоит, на посох опершись,—
непревзойденный памятник дороги,
как будто подытоживает жизнь,
где горе и печаль в итоге.
Над нею облака плывут на Спас*,
их тень прозрачна по земле кочует...
Она, наверно, ждет
кого-то в этот час:
застанет ночь — и тут же заночует.

* Спас — районный центр в Калужской области.

Остановится мгновенье,
возвращая времена.
Мать —
всегда мое спасенье
и за тыщи верст видна.
Снова детство повторится.
Поубавится забот,
если рядом мать,
как птица,
песни тихие поет.

* * *

Как хорошо, проснувшись рано,
всю радость сельскую понять!
День, поднимаясь из тумана,
войдет в окно,
разбудит мать.
Она оденется торопко,
косынку белую найдет
и не спеша к колодцу тропкой
в косынке беленькой пойдет.
Наполнит ведра той глубинной,
еще дымящейся водой
и, переждав рассвет былинный,
пройдет под утренней звездой.

ДНИ МОИ

Садится солнце
медленно за кручи,
чуть опалив зеленые стога.
Я не хочу судьбы
покладистой и лучше —
моя судьба мне очень дорога.

Моя судьба,
она моя награда,
ее не выбирают,
не дарят.
Мне ничего другого и не надо,
ведь дни мои напрасно
не летят.

Теперь иные думы одолели,
и годы тяжелеют от забот,
и песни те,
что наши деды пели,
теперь душа
по вечерам поет.

ЗА ДАЛЬЮ ЛЕТ

А. Т. Твардовскому

1

За далью лет,
тревог забытых
поземкой след перемело,
и на холмах,
ветрам открытых,
мне снова видится село,
где простота
не так проста,
как отражают это лица,
где у могильного креста
всегда кому
есть поклониться...

2

Над Смоленщиной чистое небо.
Перелески...
Поля...
Сады...
Как давно в этих рощах я не был!
Не сидел
у речной воды.

Русских песен давно я не слушал,
может быть, их теперь не пойму...
Здесь открыты
для каждого души,
рады каждому гостю в дому.

* * *

Вечереет. Встану у порога.
Словно в мире нету больше зла.

Древняя, как летопись, дорога
в небо по наклонной уползла.

Отчего она пуста сегодня?
Никому, наверно, не нужна.
Только холм ее чуть-чуть приподнял,
чтобы всем была она видна.

Я НИКОГДА НЕ ОТКАЖУСЬ

Пусть я в деревню не вернусь,
но никогда не откажусь
от дальних шумных перелесков
и от проселочных дорог,
от рек,
прудов с вечерним блеском,
от изб,
соседей,
от тревог...

Здесь не закрыты на ночь двери,
все погостить зовут к себе:
друг другу люди просто верят
и благодарствуют судьбе...

ГОЛОС РОДИНЫ

1

Крутые вечные холмы
почти у края небосвода,
их создала сама природа,
чтоб ими любовались мы.

Повсюду древние леса,
стога,
деревни,
огороды
и песни вещие природы,
что нам слагают небеса.

И вдалеке темнеет рожь —
мой черный хлеб,
мой хлеб насущный...
Здесь голос Родины
незвучный
везде услышишь
и поймешь.

В тумане трудно разглядеть,
куда ведет тебя дорога,—
то опускается полого,
то вновь готовится взлететь.

Но ей мешают провода
высоковольтных
гулких линий,
а то вдруг мягкая вода
ночных недолгих
теплых ливней.

И запоеет неожиданно рожь,
и ей ответит шум равнины.
И запах дыма
и малины,
нагнешься, в пригоршни возьмешь...

ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Пишите письма матерям,
пишите все,
и без обмана.
Они их ждут,
проснувшись рано,
надоедая почтарям.
Их, получив, читают вслух,
от посторонних взглядов прячут,
сидят обдумывают,
плачут
и снова их читают вслух.
Ответы пишут не спеша,
несут на почту лично,
сами,
сверяют адреса часами —
спокойной чтоб была душа...
Пишите письма матерям,
пишите все,
и без обмана.
Они их ждут, проснувшись рано,
надоедая почтарям.

рубахой шелковой шурша,
бросает девочку под купол
и тоже ловит не спеша.
И тихо в цирке,
словно пусто.
Ее он держит, как свечу...

Ты руку жмешь мою до хруста —
не доверяешь циркачу.

САША

1

Ты вносишь капельки дождя.
Ты вносишь весть
о теплом ливне.
И вдруг немного погода
я слышу имя.
Всю ночь по крыше дождь шумел...
Всю жизнь мы будем помнить это,
как наш экспресс шутя летел
и все по краю света...

2

Я над вечерним озером склонюсь
и в мире звезд лицо твое увижу,
а чуть левее деревянный брус
лениво карасиха лижет.
Жук-плавунец,
снующий над водой,
ныряет к звездам за подарком,
но, проходя под первую звездой,
нежданно вспыхивает ярко.
И ты в бездонном лунном свете
плывешь вдоль берега одна,
рукой отталкивая сети,
неразличима,
но видна.

3

Она все знает обо мне,
она одна,

* * *

Я не могу смотреть на это,
когда со мною рядом плачут,
когда лицо в ладони прячут,
уже совсем не видя света.

В глазах висит далекий вечер,
а руки будто бы крюки,
и покосившиеся плечи
худы,
беспомощны,
узки...

Лицо бедой искажено,
как затемненное окно.

ПОМОР

Говорит,
что здесь леса.
Говорит —
грибы повсюду.
Только я не верю
в чудо
и гляжу в его глаза.
Собеседник мой —
помор,
повидавший бед
и горя.
Длится долго
разговор
о сынах,
погибших в море.
Курит крепкий
самосад,
не понять:
он стар иль молод...
А глаза
почти звенят:
в них застыл
навек холод.

НА ПИНЕГЕ

1

В июле Пинега чиста,
и травы северные
росны.
На берегах
повсюду сосны,
над ними —
только высота.
Темнеет медленно
всю ночь,
но потемнеть
не успевает,
и пароход наш
проплывает
куда-то мимо ночи
прочь.
Мы смотрим
в узкое окно
на берега
и на протоки,
на купол церковки
далекой,
полуразрушенной давно.
Про жизнь на Севере свою
мне за ночь
женщина расскажет.
Затем умолкнет.
Шаль повяжет
и скажет:
— Выйду покурю.

2

Мы уходим лугами
напрямик по траве.
Ястреб кружит над нами
высоко
в синеве.

Мы на берег отлогий
через речку
глядим
и сидим,

словно боги,
хлеб соленый едим,
пьем из пригоршней
воду,
над рекою склоняясь,
малым рыбам в угоду
хлеб кидаем,
смеясь...

НЕ РУГАЙ МЕНЯ, МАТЬ

Не ругай меня, мать,
что я ночь прогулял
и, пропахший росой,
на заре возвратился;
ночь гудела, хмельна,
словно горный обвал,
я навеки с любимой
простился.

Я ей песни свои
раздарил все как есть,
но любимым всегда ведь и этого мало,
и осталась одна
затаенная песнь —
о тебе,
моя нежная мама.

* * *

Когда гляжу на глину белую
в вечернем сумраке один,
то кажется,
я тоже сделаю
тебе, любимая, кувшин.
Он будет формы очень узкой,
еще неведомой красоты,
из белой глины среднерусской,
из среднерусской полосы.
Но будет он готов к рассвету,
ты с ним, любимая, пойдешь,
его смеяшь опустишь в Лету,
шутя забвенья зачерпнешь.

СОЗВЕЗДИЕ

1

Есть в России
такие пейзажи,
где стоит,
пожелтев,
тишина.
Здесь вода не торопится.
Даже
в ней Вселенная
четко видна.
Здесь всегда вечереть начинает
незадолго
до первой звезды...
Словно зеркало
кто-то вращает,
чуть качая
поверхность воды.
И дорога,
петляя кустами,
вас к селению выведет вдруг,
где закат,
словно глина,
пластами
оползает
на скошенный луг.

2

Слышен шепот
полночного сада.
Перезвон родниковой воды.
Недалеко,
за ветхой оградой,
след упавшей
неяркой звезды.
Где-то в поле,
за гребнями ночи,
полуночица-птица свистит.
Самолет
в темном небе грохочет,
от созвездья
к созвездью летит.

**А в приемнике
рядом со мною
всех широт**

**незнакомая речь
наплывает тревожной волною,
призывая планету
беречь...**

*** * ***

Деревня спит открыто и глубоко.
Горланят молодые петухи.
Встает заря над склонами востока.
Деревья предрассветные тихи.
И дума нарастает бесконечно,
и каждый миг тревогою объят,
спешит судьба путем куда-то Млечным,
и на нее созвездия глядят.
Сорвусь — сгорю за дальними стогами
у чьей-нибудь любви на виду,
и конь заржет и полетит кругами,
ловя губами яркую звезду.
И что-то на земле должно случиться
взамен сгоревшей на небе звезды...
И женщина пусть в птицу превратится,
минуя день и час своей беды.
Совет гнездо поодаль от жилища
и вырастит любимого птенца.
Какая ночь!
Друг дружку души кличут,
не распознав родимого лица.

*** * ***

*«...и в оный час явлений и чудес».
Т ю т ч е в.*

Есть тихий час такой в ночи,
когда всему наступит равновесье,
когда весь мир затихнет и молчит
и теплый воздух давит поднебесье,
и звездный свет, дрожащий свет

подобен вымыслу и чуду...
и смерти не было и нет,
есть только жизнь.
Она повсюду.

КОРНИ

Мир открыт для дальних путешествий,
только в этот мир ты не спеши
от родных излучин и предместий,
где простые песни хороши.
Не спеши от родников студеных,
от осенних,
вызревших рябин,
от церквей,
закатом озаренных,
от холмов, оврагов и равнин,
от людей,
познавших в жизни горе,
выбравших свой путь наверняка...
На российском вспаханном просторе
наши корни
будут жить века.

ОСТЫВАЕТ СОЛНЦЕ

Половодье.
Талая вода.
На припеке зеленеют травы,
и гудят стальные провода,
подсыхают крыши и канавы.
Мир открыт для песен и добра.
Облака шипучи,
словно пена,
розовеют густо вечера,
веселеют люди постепенно
и встают все раньше
с каждым днем,
топят печи,
в поле поспешают,
и земля наполнена теплом;
слышно, как посевы
прорастают.

Кто-то манит убежать меня
и рукою машет от кургана
на исходе солнечного дня,
в дымке невесомого тумана.
То ли детство
воротилось вновь?
То ли затерявшаяся
слава?
То ли это первая любовь
о себе напомнила
лукаво?
Этот запоздалый взмах руки
ничего в судьбе не поменяет...
Так всему на свете
вопреки
остывает солнце,
остывает.

ЗЕМЛЯ ВЗДОХНУЛА...

Земля вздохнула глухо
и затихла,
и повалил огромный
первый снег,
и сделалось вокруг бело
и рыхло.
Хватило тишины
на всех.
Отхлынули на время
все заботы,
и люди стали охранять
тепло.
Они устали от большой
работы,—
им каждый год дается
тяжело.
И вечерами,
свет не зажигая,
они глядят
подолгу на метель—
им видится:
весна и посевная,
и солнцем переполненный
апрель...

* * *

Вода густеет,
вымерзает.
Вот-вот добьет ее мороз.
У нас в России не бывает,
чтоб жизнь прожить без слез.
У нас у каждого —

по горю,

и по беде,
и по звезде...

Дороги,
что лежат по полю,
так одинаковы везде.
Я нелегко по ним шагаю.
Я не предвижу их конца.
Но их начало твердо знаю —
у материнского лица.

* * *

Воздух родины,
хрупкий и чистый,
на морозе
кристаллами стал
и, над рощей,
по-зимнему мгlistой,
поднимаясь,
на солнце сверкал.
Я люблю,
дорогая Отчизна,
эти поздние
искры рябин,
хоть порою
судьба и капризна —
жизнь не мыслю
без этих равнин,
без убранства
заснеженной дали,
без назойливых
песен синиц,
без родимой
застиранной шали,

без открытых,
доверчивых лиц.

ДВА ВЕКА

Не сердись,
что молчу, дорогая,
не гляди одиноко
в зенит.
Слышишь, радуга в небе
тугая,
угасая, над полем
звенит.
Видишь,
купол церквушки
омытый
обозначил простор
и покой,
и навечно из бронзы
отлитый
обелиск
над Болвою-рекой.
И стоят по соседству
два века —
век прошедший
и нынешний век,
но в одном —
не видать человека,
а в другом —
на виду человек.

* * *

Я сам учился
нежности земли,
сроднился с ней,
познал ее повадки;
она бывает
беспредельно гладкой
и — в час вечерний —
розовой вдали.

Люблю бродить
один среди полей,
и ощущать
живительные соки,
и находить поэзии
истоки
на милой родине
моей...

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Край алтайский
весь заснежен,
грузди в кадках солонь...
«Из-за острова на стрежень,
на простор крутой волны...»
вышла песня.

Цели гости,
Стеньку Разина любя,
собирали слезы в горсти,
каждый плакал за себя,
каждый прожил жизнь
нескладно:
что ни баба, то вдова...
Получалась песня ладно,
хоть и путались слова.
Ах, Россия,
честь да слава!
Песни новые нужны...
Но теперь молчит дубрава,
ждет калинушка весны.

КРАСА ЗЕМНАЯ

Ушедших дней,
их отзвук дальний
я не забыл,
не разлюбил,
где звон певучей
наковальни
из года в год
меня будил.

Он словно гимн
той жизни новой,
где узнавалось без помех:
великих дел
простое слово,
для пашни будущей
лемех.

Заря расплескивалась ало,
земля дымилась от тепла,
и просыхала,
и вздыхала,
и молча пахаря
ждала.

Шумели птицы
не смолкая,
и зеленели ковыли,
и, чью-то юность
окликаая,
вновь возвращались
журавли.

И что ни год —
свои победы
и всплески первые грозы.
И отступали наши
беды
пред торжеством
земной красы.

СОДЕРЖАНИЕ

Я каждого всем сердцем понимаю	3
Баллада о лошадях 1943 года	4
В далеком далеке	5
Погибших пурга заметает...	5
Волю	5
Спокойна русская природа...	6
Всполохи зарниц	6
В ночном	7
Светает (солнце не взошло)...	7
День, словно рама...	8
Петух поет, треть ночи отделяя...	8
Лодочник	8
В районном центре	9
Старухи глухи...	10
Промчится скорый...	10
Обелиски вдоль дорог...	10
Ветер тучу вывернул...	12
Мать	12
Не торопись проститься с летом...	13
«Здравствуй, сокол ты мой ясный!»...	13
Как хорошо, проснувшись рано...	14
Дни мои	14
За далью лет	15
Вечереет. Встану у порога...	15
Я никогда не откажусь	16
Голос Родины	16
Пишите письма матерям	17
На Пискаревском кладбище	18
Сфинкс на Неве	18
Цирк	18
Саша	19
Спит жена	20
Я не могу смотреть на это...	21
Помор	21
На Пиниге	22
Не ругай меня, мать	23
Когда гляжу на глину белую...	23
Созвездие	24
Деревня спит открыто и глубоко...	25
Есть тихий час такой в ночи...	25
Корни	26
Остывает солнце	26
Земля вздохнула	27
Вода густеет, вымерзает...	28
Воздух родины...	28
Два века	29
Я сам учился...	29
Памяти Василия Шукшина	30
Краса земная	30

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Книжные магазины РСФСР предоставляют Вам возможность не только купить книги, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета 25 копеек, сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной Вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

90% стоимости билетов направляется на выигрыши.

Прочитанные книги Вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим Вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**